

Беляев Андрей Николаевич

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ЗНАКИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматривается функционирование собственных имен в языковой системе. В качестве теоретического обоснования проводимого анализа взят постулат о вариативном устройстве языковой системы. На материале немецкого языка доказывается существование в онимической системе мельчайшей идентифицирующей единицы - номемы и рассматриваются типы её реализации на разных уровнях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

При переводе на русский язык каузативное значение передается 1) эксплицитно – с помощью эквивалентных глагольно-инфинитивных конструкций (например, *заставить/побудить* + инфинитив); 2) имплицитно – через лексический каузатив (например, глаголы *выращивать, смешишь*, в семантике которых уже инкорпорирован компонент «каузировать») либо через опущение каузативного компонента за счет ввода в состав предложения лексем, которые по смысловому содержанию могут быть проводниками причинно-следственной связи.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Баклагова Ю. В. Категориальная парадигма синтаксического каузатива с глаголом *let* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 1. С. 22-25.
3. Кустова Г. И., Падучева Е. В., Розина Р. И. Таксономическая категория = акциональный класс (Проект «Лексикограф») [Электронный ресурс]. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/404_Tkat.htm (дата обращения: 20.08.2014).
4. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 880 с.
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. Edinburgh: Pearson Education, 2005. 1950 p.
7. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 30.08.2014).
8. The Sunday Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk> (дата обращения: 25.08.2014).
9. The Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 20.08.2014).
10. The Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thetimes.co.uk> (дата обращения: 30.08.2014).

**SEMANTIC FEATURES OF CATEGORICAL PARADIGM OF VERB MAKE
IN CAUSATIVE CONSTRUCTION MAKE SOMEBODY/SOMETHING DO SOMETHING**

Baklagova Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State University
liliann@mail.ru

The article is devoted to the research of linguistic behaviour of the verb “to make” in the first causative meaning – the causative construction “to make somebody/something do something”. The semantic features of the verb categorical paradigm are revealed by determining the type of causation (contact or distant) and taxonomic category that represents the structure of an event and the configuration of its components. The ways of conveying the component “to cause” when translating the causative construction with the verb “to make” in the Russian language – the possibilities of equivalent translation and application of transformations are also considered.

Key words and phrases: syntactic causative; causative meaning; taxonomic category; contact/distant causation; transformation.

УДК 811.11.112

Филологические науки

В статье рассматривается функционирование собственных имен в языковой системе. В качестве теоретического обоснования проводимого анализа взят постулат о вариативном устройстве языковой системы. На материале немецкого языка доказываются существование в онимической системе мельчайшей идентифицирующей единицы – номемы и рассматриваются типы её реализации на разных уровнях.

Ключевые слова и фразы: имя собственное; апеллятив; вариативность; номема; аллоним.

Беляев Андрей Николаевич, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный аграрный университет
anbelajew@mail.ru

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ЗНАКИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ[©]

Собственные имена занимают особое место в ряду идентифицирующих имён как индивидуальные однореферентные именованья. Они призваны непосредственно указывать на обозначаемое или на референт – предмет реальной действительности. Их назначение – выделить, идентифицировать соответствующий индивидуальный объект [7]. Признак значения собственного имени – это его идентифицируемость. Связь между языковым знаком и референтом реализуется в речевом акте. Как особый случай среди речевых актов, характерный именно для ономастического употребления, выделяется акт наименования или присвоения имени. Речь идёт об акте номинации, при помощи которого устанавливается связь между именем и его носителем в будущем [14]. Специфические цели, с которыми присваивается имя, влияют на содержательные и формальные признаки. Чтобы выяснить все эти процессы, необходим комплексный подход к изучению способов онимической номинации, положения имени собственного в соответствующей онимической подсистеме и его роли в языковой коммуникации. Этот

комплексный подход направлен от именуемого объекта через его специфическое ономастическое осмысление и языковое оформление к использованию в общественной коммуникации [10, S. 15-16].

Большое значение при онимической номинации играет прагматический фактор – общественная значимость, необходимость именовать и дифференцировать единицы данного класса как индивидуальные самостоятельные объекты. Такую основополагающую функцию собственных имён, имеющих комплексный, интегральный характер, В. Бланар назвал «социально обусловленной идентификацией» [2, с. 13]. Понятая таким образом идентификация имеет социолингвистический характер и относится к содержательной стороне собственного имени уровня наивысшей абстракции (суб)категориальных признаков пропорциональности. На этом абстрактном уровне они соприкасаются с апеллятивами и в то же время от них отличаются. На низших уровнях абстракции онимического содержания находятся смысловые компоненты собственных имён, которые значимы только внутри онимического контекста.

Собственные имена представляют собой знаки социальной реалии, в которых «упакованы» знания носителя языка, включающие широкий спектр стереотипных представлений, ассоциаций [4, с. 82]. Они являются также неотъемлемой частью фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражаются история данного народа, история заселения и освоения данной территории [8, с. 84]. Всё это говорит о том, что имена надо интерпретировать на основе тех отношений и функций, в каких они возникают, развиваются и существуют в языковом сообществе [9, с. 74].

Рассматривая собственные имена как особые идентифицирующие слова, нельзя упускать из виду их способность к образованию различных вариантов. Вариативность собственных имён вытекает из общего свойства, заложенного в самом «устройстве» языковой системы, как способа существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня [6, с. 31]. Варьирование распространяется на самые различные аспекты онимов. Оно даёт возможность выбора одного из сосуществующих и конкурирующих вариантов и создаёт предпосылки для дальнейших языковых преобразований [5, с. 144]. В. Фляйшер подразделял варианты онимов в немецком языке на графические, фонологические, морфологические, диалектные, а также выделял полную и краткую форму имени и онимические дублеты [12]. Разумеется, каждый вид варьирования онимов характеризуется своей особой спецификой, что находит выражение соответствующим образом в их структуре. Во многом варьирование имён обусловлено коммуникативно-стилистическими и социолингвистическими причинами [1, с. 59].

В этой связи правомерно ставить вопрос, какие языковые механизмы обеспечивают референцию собственного имени к «единичному объекту», каким путём происходит распознавание различных вариантов имён как функционально идентичных, и существует ли в языковой системе единица, выполняющая идентифицирующую функцию.

Ряд исследователей считает, что единицей ономастической системы в индивидуализирующем познании предмета служит номема [13]. Это понятие, выражаемое эмическим термином *номема*, подразумевает конвенциональное, общепринятое дейктическое средство референции при индивидуализации или идентификации объекта, находящегося вне языковой действительности [Ibidem, S. 23].

Подобно лексеме словарного состава языка *номема* является дистинктивной единицей ономастикона. Закреплённая в сознании механизмами памяти, она функционирует в речевой деятельности в реальном воплощении. При этом функционально-идентичные формы имени, т.е. аллонимы, воспринимаются говорящим или слушателем как потенциальные варианты именования денотата. *Номема* – это мельчайшая идентифицирующая единица в системе языка, предназначенная для надления индивидуального объекта собственным именем. Так, в немецкой языковой системе *номема* /Seldorf/ функционирует в качестве онима. Если быть более точным, то в качестве ойконима. Распознавание этой номемы, как фамильного онима, возможно лишь в дискурсе при реализации её в форме словосочетания, например, <Erik Seldorf>. Звукоряд [mōgās] первоначально может быть отождествлён с апеллятивом со значением „болото, грязь“. Однако письменный вариант графемы <Mogaas> воспринимается как топоним, но только теми, кто знает о существовании населённого пункта с таким названием в округе Шверин.

Номема образует открытый ряд, который тесно связан с жизненным опытом отдельного человека. Установление связи между *номемой* (единицей системы) и аллонимами (формами реализации в речи) будет осуществляться у разных людей различным образом. Допустим, в языковой или онимической системе функционирует некая *номема* /K/, в то время как на уровне реализации бытуют в соответствии с нормами употребления разные формы её реализации. Например, для саксонского города *Chemnitz* обычные следующие аллонимы: (kəm̩nids), (kəms), (rūs̩kams). В Саксонии на литературном и разговорном языке используется фоноаллоним (kəm̩nids), в Лейпциге на разговорном языке – (gəm̩nids), а в Хемнитце на разговорном языке можно услышать даже (kəms) и, наконец, на диалекте встречаются (kams) и (rūs̩kams). Однако графически изображается топоним только знаками <Chemnitz> и в литературе «областничества», близкой к диалекту, пишут также <Kams> и <Kamtz> или <Kamz> и <Rußkams> [Ibidem, S. 24]. Типичен поэтому в таких случаях вопрос (а) о произношении (ср. в Восточной Германии ойконим *Bernkastel-Kues* или *Coesfeld* или личное имя *Lueg*) или (б) о написании (например, ойконим *Wiera* у Глаухау и *Wyhra* у Борны в Саксонии).

Статус *номемы* в онимической системе описывается немецкими лингвистами с позиций когнитивной лингвистики. При этом языковые знаки определяются как «адресные указатели для доступа к хранящейся в памяти информации». Причём апеллятивы являются указателями для доступа к объёму информации об объекте, принадлежащему классу из множества объектов. В отличие от апеллятивов собственные имена являются указателями для доступа к информации об объектах, принадлежащих классу из одного элемента. Очевидно, что аллонимы, реализованные в письменной или устной форме, не могут функционировать в качестве таких адресных указателей. Эта роль выпадает на долю *номем*. Восприятие аллонимов в ходе речевой

деятельности сопровождается их отнесением к соответствующим *номам*, которые способны функционировать в качестве адресных указателей, направленных на хранящуюся в нашей памяти информацию об объекте. Когда говорящий или пишущий хочет соотнести собственное имя с соответствующим индивидуальным объектом, ему предстоит прежде всего решить, какую аллоформу устной или письменной речи следует выбрать для реализации своего намерения. Избирательная реализация *номемы* с последующим превращением её в элементы речевого поведения (полная форма онима или краткая, литературный или диалектный вариант) совершается не спонтанно, а заданно. Между номемным уровнем, т.е. собственно указателем доступа, и областью реализации располагается ещё один абстрактно-ментальный уровень, на котором хранятся различные типы реализации *номемы*. Необходимость рассмотрения промежуточного уровня в качестве «типов» вытекает из того, что *номемы* не являются произвольными, индивидуальными образованиями отдельно взятого говорящего. По отношению друг к другу, в отличие от принадлежащих системе языка *номе*, типы реализации не находятся в функциональной оппозиции. Так, например, при обращении к одному и тому же лицу *номема* /MARGARETE/ может быть материализована разными типами реализации, а именно: формально-литературным вариантом (Margarete), неформально-литературными вариантами (Grete), (Gretel), (Gretchen), (Gret) и нижненемецкой диалектной формой (Griet). И только после того, как говорящий или пишущий в зависимости от коммуникативной ситуации примет предварительное решение в пользу того или иного типа реализации *номемы*, она может быть реализована затем как графоаллоним или как фоноаллоним.

Нельзя не отметить, что представленная немецкими учёными модель онимического знака, состоящая из трёх уровней: номемного, типов реализации и аллонимов, в определённом смысле соответствует трём уровням у Э. Косериу: системе, норме и речи. Как у Э. Косериу, так и у Ф. Кольгейма и К. Хенгста система содержит только функциональные (значимые) оппозиции, т.е. всё то, что является дистинктивным в языковом использовании, в то время как языковая норма – это совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, не обязательно характеризующиеся как функциональные. Напротив, речь представляет отдельно взятую языковую технику, которая реализуется как конкретное говорение [11, S. 297]. С этим нельзя не согласиться. Однако если мы обратимся к онимической системе, то обнаружим в ней отсутствие нормативности на уровне типов реализации, которую Э. Косериу приписывает языковой норме. В отличие от языковой нормы типы реализации абсолютно равноправны в отношении выбора их употребления, и решение о том, какой тип, смотря по обстоятельствам, должен быть выбран, определяется соответствующей социально определяемой средой, в которой проявляется это выражение.

Представляется, что введение в лингвистическую теорию термина и понятия *номемы* для выражения обобщённого понятия о различных вариантах собственного имени является весьма полезным, так как позволяет скорректировать отдельные системные связи между онимами, не выявляемые обычными методами. Как нам кажется, описание ономастикона в алло-эмических терминах может быть плодотворно использовано в следующих случаях: а) при изучении «механизма», «устройства» онимической системы, который можно назвать вариантно-инвариантным; б) при изучении функционирования собственных имён при переходе от системы к реализации в речи; в) при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития онимии (варьирование и превращение вариантов в новые сущности); г) при потребности объяснить разный облик форм собственного имени одних и тех же денотатов; д) при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц в стилистических, экспрессивных и нормаобразующих целях, ср. [2]. Сказанное, вероятно, не исчерпывает всех случаев, когда возникает необходимость прямого обращения к понятию вариативности. Но это, может быть, наиболее важные случаи.

Список литературы

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ, 2001. 239 с.
2. Бланар В. Дистрибуция антропонимических моделей // Перспективы развития славянской ономастики / отв. редакторы А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М.: Наука, 1980. С. 13-21.
3. Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2010. 45 с.
4. Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования: на материале американского дискурса XIX-XX вв.: дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 366 с.
5. Руссу А. Н. Фонематическая вариантность немецких разговорных слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39). Ч. 1. С. 144-147.
6. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-42.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
8. Томахин Г. Д. Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 84-90.
9. Шпрамек Р. Теоретические и методологические принципы составления славянских ономастических словарей // Перспективы развития славянской ономастики / отв. редакторы А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М.: Наука, 1980. С. 68-75.
10. Blanár V. Teória vlastného mena. Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii. Bratislava: Veda, vydavateľstvo slovenskej Akadémie Vied, 1996. 250 S.
11. Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Uni-Taschenbücher für Wissenschaft. Stuttgart: Francke Verlag, 1992. Band 1372. 329 S.
12. Fleischer W. Variationen von Eigennamen // Der Name in Sprache und Gesellschaft. Beiträge zur Theorie der Onomastik. Berlin: Akademie-Verlag, 1973. S. 52-63.
13. Kohlheim V., Hengst K. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie // Namenkundliche Informationen 85/86. Hrsg. von Ernst Eichler und Dietlind Krüger. Leipzig, 2004. S. 17-31.
14. Wimmer R. Der Eigenname im Deutschen. Ein Beitrag zur seiner linguistischen Beschreibung. Tübingen: Niemeyer, 1973. 156 S.

PROPER NAMES AS IDENTIFYING SIGNS IN LANGUAGE SYSTEM

Belyaev Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State Agrarian University
anbelajew@mail.ru

The article considers the functioning of proper names in the language system. The postulate about variative structure of the language system is taken as the theoretical basis of the analysis. By the material of the German language the author proves the existence of the smallest identifying unit – nomem in the onimic system and considers the types of its implementation at different levels.

Key words and phrases: proper name; appellative; variability; nomem; allonym.

УДК 82-3; 821.161.1

Филологические науки

В статье посредством сравнительного анализа текстов исследуется функционирование документальных источников сборника «Черная книга» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Основное внимание автор статьи акцентирует на очерках «Убийство евреев в Бердичеве» и «Треблинка», нашедших наиболее обширное и точное художественное отражение в тексте романа.

Ключевые слова и фразы: документальный источник; факт; авторский вымысел; «Черная книга»; «Жизнь и судьба»; В. С. Гроссман.

Бирючин Святослав Владимирович

Московский педагогический государственный университет
biryuchin@yandex.ru

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ «ЧЕРНОЙ КНИГИ»
В РОМАНЕ В. С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»[©]**

Подготовленная Василием Гроссманом в 1944-1946 гг. совместно с Ильей Эренбургом «Черная книга» – сборник документальных свидетельств очевидцев о массовом уничтожении евреев нацистами на оккупированных территориях СССР и Польши во время Великой Отечественной войны – была впервые издана на русском языке лишь в 1980 г. в Израиле и почти не известна широкому читателю. Подготовкой ее к печати занималась специальная Литературная комиссия, образованная вскоре после войны при Еврейском антифашистском комитете. Свой вклад в создание сборника внесли такие советские писатели и журналисты, как М. Алигер, П. Антокольский, Вс. Иванов, В. Каверин, Р. Фраерман, В. Шкловский и др.

Василий Гроссман принял в этом коллективном расследовании особенно деятельное участие: на него были возложены функции составителя и редактора. Кроме того, он написал к «Черной книге» предисловие и лично подготовил к печати ряд материалов: «Убийство евреев в Бердичеве», «История Минского гетто», «Рассказ старого человека, Шмуэля-Довида Кугеля», «В местечке Горы», «Рассказ доктора Гольдфайн», «“Бреннеры” из Белостока», «Из дневника скульптора Ривоша», «Колхозница Юлия Кухта спасла еврейских детей», «В Хорольском лагере», «Треблинка».

Предметом рассмотрения в данной статье будет художественное отражение документальных источников «Черной книги» в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» [1]. С этой точки зрения главный исследовательский интерес представляют два очерка писателя – «Убийство евреев в Бердичеве» [3] и «Треблинка» [2].

Первый очерк получил обширное отражение в 18-ой главе первой части романа, которая полностью состоит из письма Анны Семеновны Штрум своему сыну Виктору. Эта глава носит автобиографический характер: как и мать Штрума Анна Семеновна в «Жизни и судьбе», мать Василия Гроссмана Екатерина Савельевна, которой посвящен роман, погибла в еврейском гетто. Она стала прототипом Анны Семеновны Штрум, в то время как сам Василий Гроссман послужил прообразом главного героя произведения Виктора Штрума.

Письмо Анны Семеновны из гетто, адресованное сыну, содержит большое количество фактов, заимствованных автором из документального очерка «Убийство евреев в Бердичеве», включенного в «Черную книгу».

Так, например, в роман точно перенесены реальные обстоятельства нападения немцев на город. Гроссман пишет в очерке: «*Немцы появились в Бердичеве неожиданно: к городу прорвались немецкие танковые войска. Только треть еврейского населения успела эвакуироваться. Немцы вошли в город в понедельник 7 июля 1941 года, в 7 часов вечера. Солдаты кричали с машин: “Юден капут!”*, махали руками и смеялись; они знали, что в городе осталось почти все еврейское население» [3, с. 33] (*здесь и далее курсив автора – С. Б.*). Анна Семеновна рассказывает в своем письме об этих событиях: «*Седьмого июля немцы ворвались в город. В городском саду радио передавало последние известия, я шла из поликлиники после приема больных и остановилась послушать, дикторша читала по-украински статью о боях. Я услышала отдаленную стрельбу, потом через сад побежали люди, я пошла к дому и все удивлялась, как это пропустила сигнал воздушной тревоги. И вдруг я увидела танк, и кто-то крикнул: “Немцы прорвались!”*» <...> *Немцы ехали на грузовике и кричали: “Juden kaputt!”*» [1, с. 800-801].